

РАЗГОВОР С СЕРГЕЕМ ШАРГУНОВЫМ И ВАСИЛИЕМ АВЧЕНКО РАЗМЫШЛЕНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ НА ПЕРВОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ФЕСТИВАЛЕ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ

Справка:

Писатель и общественный деятель **Сергей Шаргунов** (Москва) – человек разносторонний. Пишет художественную прозу, решает политические вопросы, ведёт телепрограммы и занимается редакторской работой. Должностей

и званий у Сергея Александровича тоже предостаточно: он одновременно выполняет задачи депутата Госдумы, заместителя председателя Комитета по культуре, зампреда Союза писателей России и главного редактора литературного журнала.

Василий Авченко (Владивосток) вырос в семье геологов. С отличием окончил факультет журналистики Дальневосточного государственного университета (ДВФУ). Тема диплома – «Теория и практика политических манипуляций в современной России». Писатель. Книги попадали в короткие списки премий «Национальный бестселлер», «НОС», «Большой книги», Бунинской премии, в длинные списки – «Большой книги», «Ясной Поляны».

К моменту выхода нашей публикации приморский писатель уже стал лауреатом Общероссийской литературной премии «Дальний Восток» им В. К. Арсеньева.

Писатель должен знать жизнь

Сергей Шаргунов: Зрелый Пушкин, издатель «Современника», писал шефу жандармов Беккендорфу просьбу санкционировать издание журнала русских литераторов, в котором те будут давать отпор клевете европейских газет на Россию. Представляете, с точки зрения прогрессистской публики, какой зашквар? Но, тем не менее, вполне нормально было быть вольнодумцем и быть державником, которого сегодня забанили бы в фейсбуке, и так далее. Всё это живая жизнь. Вспоминается, например, конец 20-х годов, газета «Гудок». Я написал книгу о Валентине Петровиче Катаеве. Абсолютный эстет, поэзия в прозе, первенство стиля. Рядом – Олеша, Булгаков. Это, прежде всего, художники слова, все они газетчики, занимались газетным трудом. Олеша как фельетонист необыкновенно популярен по всей стране. Катаев подтягивает Ильфа и Петрова. Вопрос: что во что перерастает? Где-то их творчество – это злободневные фельетоны, а где-то уже само искусство становится особенно эстетичным, красочным и не банальным. Люди днём сидят в газете, занимаются «разными пошлостями», «сенсационными мерзостями» и «сальностями жизни», пропитываются достоверными материалами, а ночью пишут метафоричную и лиричную прозу. Так появляется «Зависть» Олеси. Это один из примеров. Есть ещё и другая история, которую я сейчас просто как заявку обозначу – социальность плюс достоверность. Я убеждён, что настоящий писатель не может быть оторван от жизни. Можно писать совершенно постмодернистскую, вымороченную прозу, но, как правило, это всё-таки связано с жизнью. И это нормальный признак настоящего писателя.

У нас проходили, к примеру, форумы молодых писателей, и я всегда говорил, что те, кто, не знают, чем 91-й год отличается от 93-го, кто не расшифрует аббревиатуру ГКЧП, не представляет, чем февральская революция отличается от октябрьской, и что случилось

КНИГА И МИР ИСКУССТВА

в 1914 году – это никакие не писатели. Если им не интересна жизнь (а история – это та же самая жизнь, но может быть и формой журналистики также), то, значит, и в литературе у них всё будет несерьёзно и не по-настоящему. Писатель должен знать жизнь. Вот мне лично репортёрские навыки очень сильно помогают в литературе.

*«Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.
Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,*

На радость вам и мне» – писала Анна Ахматова. Это и есть тот «сор», который перерабатывался потом в искусство.

Писатели-журналисты

Василий Авченко: Совершенно согласен. Так сложилось, что все большие писатели в прошлом были журналистами. Правда, и слово «журналисты» тоже можно понимать по-разному. В 19 веке писатели, понятно, не всегда занимались репортёрскими делами, чаще публицистикой. Они сотрудничали с журналами, публиковали разного рода статьи. Всегда так было и, наверное, им это даже помогало. Лично мне всегда интересны пограничные жанры и наша замечательная школа очеркистики. Это же чудесно, когда Михаил Пришвин в 1931 году приезжает в Приморье и пишет очерки «Олень-цветок» или «Голубые песцы» – об острове Фуругельма. С одной стороны, это очерк, который мы относим к ведомству журналистики, но если смотреть на то, как он написан, каким языком, то, конечно, это уже литература, это проза высокого уровня. И это пограничные жанры. Творчество Гиляровского тоже можно с ними же соотнести.

Потом тот же самый Пришвин берёт эту фактуру, которую он здесь набрал в оленесовхозе, в зверопитомнике и на основании этого делает уже настоящую прозу с героями, образами, под

названием «Женьшень». Он говорил, что это произведение стало единственной вещью, написанной им свободно.

Рассуждать на эту тему интересно и об этом нужно размышлять, но, по-моему, уже давно не стоит вопрос так, что есть некая «расовая» чистота жанров, и, не дай бог, из одного жанра в другой что-нибудь перейдёт, и это будет очень плохо, потому что это будет нарушение... Вот я учился на журфаке, где нам преподавали жанровую систему: корреспонденцию, очерк, реплику и т.д. и объясняли жанровые признаки. Когда же я начал работать в газете, то оказалось, что никто на это не обращает внимание и не дают такого задания – написать, к примеру, именно корреспонденцию. Единственное, что говорят: «Хорошо напиши». В нашем жаргоне всегда был один жанр, только назывался по-разному: «заметка», «текст» или «материал».

Ангажированная журналистика и литература как островок свободы

Шаргунов: Главная проблема, наверное, в том, что большинство людей, которые учатся на журфаке, люди случайные и не собираются заниматься этим делом, и оно им не интересно. Так было, по крайней мере, у меня в МГУ на факультете, где я учился. И большинство людей с моего потока не пошли потом в журналистику.

Авченко: Да, меньшинство работает в профессии. А некоторые разочаровываются в профессии позже, как, например, я. Я объясню. Дело в том, что журналистика наша, несмотря на отдельные образцы замечательных и блестящих журналистов, не выдержала испытание временем, деньгами, разными соблазнами. Сейчас журналистика в большой степени ангажирована теми или иными группами. Тут олигарх, тут мэр, тут губернатор... И доверие к прессе, её репутация уже подорваны. К сожалению, даже капля чернил на большое белое одеяние может его всё испортить...

Шаргунов: Да, какие там капли чернил? Это же уже не отстирывается.

Авченко: И как не парадоксально, литература – это такой островок... Литература оказалась вне поля внимания этих вот рыночных игроков. Ни один крупный бизнесмен не хочет подкупать писателей и говорить: «Ты вот напиши роман с таким вот поворотом, и чтобы там был такой вот вывод, и чтобы в конце было обязательно то-то то-то». Никто так не говорит. Считается, ну а какая разница, тираж там 3 – 5 тыс. экземпляров, мы лучше купим газету, холдинг, телевидение как самый главный инструмент воздействия на умы и будем руководить. А в книгах – пишите, о чём хотите!

Плохо, что читают мало, но хорошо, что литература осталась полем независимым. И если автор пишет (хорошо ли, плохо ли), он пишет искренне. Излагает свои взгляды именно так, как он их видит. И поэтому остаётся какое-то доверие к писателю. А журналисту уже могут доверять, могут не доверять.

Шаргунов: При этом иногда мы доверяем писателю как писателю и совершенно не доверяем ему как публицисту.

Надо быть собой, защищать и помогать

– На вашем собственном примере, вот, когда вы занимаетесь свободной прессой и пишите для сетевых изданий и когда вы занимаетесь литературой, у вас меняется почерк?

Шаргунов: Да. Но почерк меняется на компьютере, я с разной интенсивностью бью по клавиатуре. 99% моих статей – это отчёт о

проделанной работе или о тех бедах, с какими ко мне обратились люди.

Авченко: Несмотря на то, что у тебя Сибирь, Алтай, Бурятия, ты не раз помогал и приморские проблемы решать.

Шаргунов: Да, девочкам не давали нормально добраться до школы, автобусы сократили и всё прочее. Я считаю, что нужно заниматься такими вещами. Это в традициях русской литературы, да и перед самим собой я таким образом реабилитируюсь. Для меня важна репутация в моих собственных глазах. Меня меньше волнует мнение миллионов фанов, которые подходят и говорят: «Мы смотрели вас по телевизору и так далее». Если откровенно, я понимаю, что общество сейчас в таком состоянии, что от «осанны!» до «распни!» – пол шажка. И это всё бред. А вот помощь кому-то конкретному имеет гораздо большее значение, чем все разговоры о внешней политике.

Я застал время, когда люди фанатели от выступлений Елены Боннэр. Считали, круто, какая женщина! Теперь наоборот. Завтра всё поменяется, будет разоблачение и так далее, и в этом присутствуют и патриотические настроения. Общество манипулируемо. А вот помочь кому-то конкретно – для меня это важно в экзистенциальном смысле.

В творчестве хочется быть безоглядным, и чтобы литература не портилась, чтобы были разные голоса. Не надо даже искусственно ставить перед собой эту задачу, просто литература имеет дело с характерами людей, страстями и с языком. Конечно, абсолютное большинство хочет подростковой литературы, где тебе всё будет понятно, и такой литературы тоже не хватает. Но любое настоящее светлое подростковое произведение берёшь, включая «Капитанскую дочку», всё равно все прекрасные – ужасные и всех жалко: и Пугачёв вызывает симпатию, и царица, и все... в своей правоте. Или «Анна Каренина» – кто прав, как вы считаете? Правильно ли сделала Анна, что бросила своего сына Серёжу?

– Может быть, труд писателя – это тот глас, на который можно как-то ориентироваться, который несёт содержательность?

Шаргунов: Да, но, главное, чтобы в понятии «содержательность» не было некой не актуальной подмены. Содержательность может вытеснять и качество, и глубину. Сюжетность может быть поверхностной. Мой ответ такой: людям хочется, чтобы всё-таки что-то обнадёживало, людям нужны бодрость и нечто вдохновляющее, стихами Пушкина:

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

*На них основано от века
По воле бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.*

«В **самостоянье** человека – залог величия его». Во все времена есть подлинный рецепт успешного творчества: сохранять свободолюбие и при этом любовь к народу и Отечеству. Надо быть собой. Поэтому для меня и важно защищать униженных и оскорблённых, говорить откровенно об издевательствах над бедными людьми, помогать несправедливо гонимым, оказывать при этом подлинную, а не мнимую правозащиту. А с другой стороны, я не принадлежу и к псевдо-западнической секте, которая предлагает капитулировать и прочее. Такова моя личная позиция, я её отстаиваю, и мне комфортно быть самим собой. Я, по крайней мере, знаю, что стратегически я перед собой отвечаю за то, что я делаю.

Россия продолжается таинственным образом

– Только что на встрече мы общались с представителем фонда «Русский мир», и он говорил, что те наши русские, которые ушли в 17 веке (первый исход), несут содержание русского духа.

Шаргунов: Правильно, русские ушли, и они остались, Россия там, где русские живут. Я думаю, что никто никуда не ушёл. И Арсений Несмелов – прекрасный русский писатель, и Александр

Фадеев – прекрасный русский писатель, хотя один был белый, а другой красный. Это наша цивилизация. На самом деле, никто никуда не ушёл. Россия продолжается таинственным образом.

Я приветствую наших китайских друзей. Я был в Пекине на большой конференции, увидел, что есть большой интерес к советской литературе и одновременно – широкий интерес ко всей многообразной новой русской литературе. И существует какой-то современный взгляд на всё это, без всякой предвзятости. Вот в том, что нам может показаться эклектикой, может, и есть жизнь? Принимать жизнь естественным образом – это круто.

О цензуре

Шаргунов: Василий, ты до сих пор работаешь в «Новой газете»? И как вам там? Как вы соотноситесь с Москвой?

Авченко: Да. Мы работаем с Москвой достаточно автономно. Пишу то, что хочу писать, и никак не пересекаюсь с московской повесткой. Материалы у нас не согласовываются с Москвой.

Шаргунов: Т.е. у вас там есть развороты «Вперёд, в ДНР!»

Авченко: Дело в том, что мы же во Владивостоке живём, и на наших полосах представлена местная повестка. Я могу, к слову, ездить в ДНР, а редактор, допустим, может быть против.

Шаргунов: У вас есть самоцензура, если я вам напишу репортаж из-под Горловки, вы напечатаете?

Авченко: Нет. Только по одной причине: у нас идёт местная повестка. Есть же двадцать федеральных полос.

Шаргунов: Но людям же интересно, мы все живём в одной стране. Вот вам и наглядный пример цензуры. Ведь тоже самое вам могут сказать на Первом канале: «У нас зрители хотят, чтобы говорили не о внутренних делах, а больше о внешних. Есть стримы, и когда мы говорим о социалке, нас мало смотрят». Каждый найдёт оправдание, так мы и живём в раздробленности. На самом деле цензура есть слева и справа. Конечно, либеральные медиа также догматичны и так далее. И вот Вася Авченко, не имея другой возможности, вынужден работать на разных площадках. И я тоже. Прихожу на «Эхо Москвы», с ними спорю, прихожу на Первый

канал и со многим там не согласен, когда обсуждается тема внутренней жизни страны. Это нормально. Такое многообразие – это тоже специфика. Таков путь литератора в России. Поэтому самое важное, что я для себя обнаружил в качестве ухода из этих красных флажков – это оказание честной помощи людям. Я нашёл для себя такую дорогу, такое, своего рода, народничество.

Депутатство и колумнистика

Авченко: Здесь у тебя смыкаются журналистика и депутатство?

Шаргунов: Да, именно так.

Авченко: Как же литература?

Шаргунов: Я стараюсь делать свою депутатскую работу хорошим литературным языком.

Авченко: Т.е. даже депутатский запрос пишется с блеском стиля?

Шаргунов: Но, по крайней мере, сам запрос я оформляю кружевами такой статьи, которая читается, как стихи в прозе: с метафорами, с образами и тому подобным. Я считаю, что простые, даже банальные вещи можно рассказать красочно. И потом важно то, что интересно. Многие люди даже толстый журнал начинают читать с конца. Людей в наше время больше интересует колумнистика, актуальные темы – это хорошо. Я уже упоминал «Анну Каренину», там половина произведения связана с темами полемики, которые печатались на соседних полосах того же «Русского вестника» Каткова. И последняя часть произведения, связанная с добровольцами, которые поехали сражаться против Турции, даже не была отражена тогда в «Русском вестнике» в силу большой остроты момента.

Авченко: Фёдор Достоевский тоже очень тесно был связан с темами газетных статей.

Стиль и просвещение для России

– Не кажется ли вам, что наш великий русский язык стал как-то упрощаться? И даже, когда хочется вставить какое-

нибудь эксклюзивное (особенное, экспрессивное, утончённое) слово, тебе это запрещают, просто, потому что зритель (читатель) может не понять.

Шаргунов: Я стараюсь расцветивать свою речь. И даже не стараюсь, а так получается. Я веду колонку на «России 24» и стараюсь сделать её филологически интересной. Конечно, это один из важнейших вопросов нашей жизни.

Вот часто говорят об идеологии. России нужна общая идеология. Я думаю, что России нужно что-то, вроде, общего дела. России нужны стиль и просвещение. Люди архаичных мировоззрений настаивают, что всем нужна идеология, а люди либеральных воззрений считают, что Россию нужно просвещать. Но на стыке понятий можно оставить слово «просвещение», но добавить слово «смысл». Нам не хватает разговора о культуре. Надо показывать современных писателей на телевидении, читать стихи и делать мощные просветительские проекты в соцсетях и на ютубе, где «пасётся» молодёжь. Нужна полемика на темы истории, культуры. Не погоня за псевдорейтингом, когда все орут там непонятно о чём так, что сейчас пупки развяжутся. Пусть они обсудят что-то более существенное. Россия любит жить прошлым, в этом смысле она совсем уникальная страна. Я думаю, даже Китай в такой степени не живёт прошлым. Это по-своему трогательно и хорошо. Мы живём всем этим! Нас интересуют Николай Второй и Сталин – это две ключевых темы. Ну, ещё Борис Николаевич Ельцин. Но нас же интересует грядущее – строительство мостов, прокладывание дорог, дальневосточный гектар, чтобы сюда приезжали люди, создание премии имени Арсеньева. У нас великая страна, великая цивилизация, величайшая культура, наука, достижения – вот этим надо гордиться. Вот этого рецепта будущего пока не видно, и об этом нужно думать, в первую очередь. Но все дискуссии связаны как раз с прошлым. На них обязательно надо давать людям какой-то вектор направленности в будущее, чего не хватает сейчас на телевидении и во всех наших разговорах. По сути вся наша полемика левых и правых – это спор внутри одной

КНИГА И МИР ИСКУССТВА

черепной коробки. Это некий бег на месте, бесконечное самокопание, но должен быть ещё импульс для движения вперёд.

Что же будет дальше?

Шаргунов: Острейшие, грандиознейшие вопросы – что будет дальше со страной? Я знаю, что остров Русский в 90-е годы был территорией адовой и депрессивной, а теперь здесь сделано очень много, построен университет. С другой стороны, есть фундаментальные проблемы: прирост ВВП в других странах в разы больше, чем в нашей, а это в любом случае означает отсталость. Я понимаю драму, перед которой стоит элита. Их тоже не надо упрощать. Они боятся крайностей, что страна может пережить ситуацию 1917 и 1991-го годов, любого популизма, любого Стеньки, который бросает, вроде бы, верные лозунги, но дальше начинается пожарище. Но и гниение – назначения родственничков, сыночков на высокие посты – это тоже не путь.

Конечно же, архаика в стилистике – потрясающая. Огромный разрыв между поколениями. Те, кому 20+, как раз лёгкая добыча популистов в соцсетях. А телевидение работает с пожилыми домохозяйками, это надо чётко понимать. И тот, и другой дискурс – это формы оболванивания. И дискурс официоза, и прогрессистско-освободительный. Каждый раз тревожно думать, что в этом смысле ждёт страну.

Писатели двигают жизнь

Шаргунов: Вот есть беспокойные и небезразличные люди, которые собрались здесь (в кампусе ДВФУ на острове Русский, на Первом Литературном фестивале Тихоокеанской России). Самые различные писатели (и Елизаров, и Рубанов) сюда приехали. Есть люди инициативные, и они двигают жизнь, на мой взгляд. Вот как сердце двигает кровь толчками. Оглядываясь по сторонам, я считаю, что люди творческие, интеллектуалы – это те, кто искренне переживает за страну. В их прозе и публицистике присутствует нерв жизни. Им нельзя всё доверять (иначе всё развалится). Конечно, очень важны и нужны специалисты. Но и без творческих людей, которые могут что-то нормально подать, способны на разговор и

переживают о главном – о человеке, ничего хорошего не будет. Зачастую среди менеджеров торжествуют представления об эффективности, которые как бы отменяют понятие человечности. Я верю в облагораживающее значение людей литературы, и меня радует, что есть пушкинско-грибоедовский стиль. Я вижу таких людей, как Василий Авченко. И это не комплимент, я вижу в каждом регионе России таких людей, которые мыслят широко и свободно, для которых важно человеческое достоинство, – отзывчивых и при этом патриотичных. Они не считают, что наша страна – это исчадие ада, что это неправильная страна, что её надо расчленивать и всё время перед кем-то каяться. Нет, они так не считают. Они принимают свою страну и хотят ей успеха. Так и должно быть.

Биографическая проза

– Серьёзные писатели в последнее время увлекаются не только сюжетной прозой, но и биографической. Сергей Шаргунов – автор блистательной книги о Катаеве, Авченко написал книгу о Фадееве. Захар Прилепин выпустил замечательную книгу о Леонове. Серьёзные писатели тратят время на биографическую прозу о своих коллегах, с чем это связано?

Шаргунов: Мне кажется, что есть интерес к достоверности, есть желание видеть прошлое не одномерно, чтобы это было и не сюсюканье и не демонизация. Кстати, я наблюдаю нечто подобное в Китае. Это некий новый взгляд. Все биографии Катаева, которые выходили при его жизни, во времена ЦК, были сусальными: там не упоминалось, что он был белогвардейцем, не упоминалось, что он добровольцем ушёл на фронт Первой мировой. А дальше началось другое. Его репрессировали, он был герой Социалистического труда, значит, он был мерзкий человек и в том же духе. Перечеркивали советскую литературу, Горького и других. И вот пришло время честного восприятия, появилась возможность увидеть сложность этих людей, во всех их противоречиях. Отсюда и биография того Алексея Толстого, которую написал Варламов.

Взгляд на Фадеева – это же интереснейшая тема. Какой он был Фадеев?.. Мне бы очень хотелось написать биографию Сергея Владимировича Михалкова. А возможно, что родственники Сергея Владимировича меня за это анафеме предадут, а наша прогрессивная общественность осудит меня за выбор героя. Но в итоге – это же очень интересно. Человек прожил почти 100 лет, важная фигура для нашей литературы, чуть ли не главный детский писатель, автор трёх гимнов. Да всё у него интересно, как о нём не написать? И столько там неизвестных деталей. По большому счёту, мы ничего не знаем про его жизнь. О его аристократическом роде, о брате, попавшем в плен, которого сам Сергей Владимирович спасал. Дико интересно! И тут не надо бояться, что тебя как писателя «пригвоздят» каким-то штампом. Взять моего любимого Катаева – его ненавидят до сих пор за независимость дара. Он не был грешнее других, но эта его свобода и способность в жанре анти-исповеди эпатажно заявить о каком-то своём прегрешении или приехать к другу Михаила Зощенко, против которого он выступил, заслуживали в глазах других особого мнения. Как и отношение к Шолохову. Здесь тоже нет полноценной биографии. Ему не могут простить его державности. Сейчас издали в полном объёме стихи «Дон». Я сделал колонку про это. Ему не могут простить его резких реплик, но он так думал, он так жил, это были его взгляды. Куприн вернулся на Родину в 1937, это было его решение, и он приехал в ясном уме и ещё год общался с Катаевым и восхищался той Москвой, которую увидел. Это было его право. Это страшное и прекрасное время. Люди возвращались. Предки моей жены – Толстые, вернулись в 1945 году из Сербии. Это интереснейшая тема. Я говорю не о примиренчестве, его может и не быть вовсе, но это попытка взглянуть на всё целостно, увидеть людей как сложные явления.

Документальная проза или нон-фикшн

Авченко: Я всё-таки не романист, и мне ближе документальные вещи, нон-фикшн. Другое дело, что я считаю, что хороший нон-фикшн должен писаться хорошим литературным

языком, и в этом смысле жанр уже переходит из области журналистики в область литературы. Так сложилось, что я пишу о фактах. Биография – это тоже документальный жанр. Другое дело, что ничьим биографом я становиться никогда не хотел. И сейчас не хочу. Это всегда колоссальная ответственность. Вот есть выдающийся человек, а ты берёшь себе право где-то даже судить, расставлять какие-то оценки, акценты. Это было так-то и так... Фадеева я когда-то в школе проходил, потом забыл, а затем перечитал уже взрослым его «Разгром», и он меня абсолютно потряс с первых же фраз. Действительно, это короткая вещь, написанная просто, как стихотворение. Ты читаешь и понимаешь, что каждое слово на своём месте. Я страшно заинтересовался этим человеком, который, тем более, жил во Владивостоке. В юности партизанил в Приморье и Забайкалье. А потом оказалось, что в отличие от других писателей, жизнь Фадеева, даже не беря во внимание его «Разгром» и «Молодую гвардию», сама по себе готовый роман, драматический в конце. В нём есть революция, война, любовь, власть и трагическая гибель. Это готовый документальный сюжет.

Такое осмысление и написание – это колоссальное напряжение всех сил, поэтому я думал, ну, вот напишу о Фадееве и хватит.

Алексей Коровашко, доктор филологических наук, стал моим соавтором уже по «Олегу Куваеву». Мы с ним решили, что о Куваеве-то точно никто не напишет, кроме нас. Но значит надо, потому что, опять-таки, его романы – «Территория», «Правила бегства», повесть «Весенняя охота на гусей», рассказ «Триста лет после радуги» – это замечательная литература 60–70-х годов. Но, помимо всего прочего, это судьба человеческая. Это послевоенное детство. Он геолог, геофизик. Это Чукотка, Магадан. Любовь, алкоголизм и смерть в сорок лет – это тоже драма. Готовый герой, надо только вытащить документы, свидетельства и рассказать.

Материал подготовлен редактором-составителем альманаха Маликовой С.Б.